

2ДОНСКИЕ КАЗАКИ И АРМЯНСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ
2в обороне русских границ от персидских войск
2в начальный период кампании 1826 г.

Русско-персидская война 1826-1828 г. положила начало национальному возрождению армянского народа, долгое время томившегося под пятой персидских захватчиков. В боевых действиях этой войны активное участие приняли донские казачьи части, которые снова проявили яркие образцы своего воинского мастерства, способствуя победоносному для России ее окончанию.

Начало военных действий освещалось как в трудах дореволюционных, (Зубов 1837; Потто 1886; Аверьянов 1900; Дубровин 1888 и др.), так и позднейших (Григорян 1959; Ибрагимбейли 1969; Парсамян 1972; Золотов 1973; Бескровный 1974 и др.) историков, но особого акцента на взаимодействии донцов с армянским населением не делалось, хотя именно этот вопрос заслуживает более глубокого изучения. Ведь, находясь в авангардах русских войск, донские казаки раньше других соприкасались с врагом. Армяне же им помогали и в ведении разведки, сообщая о скоплениях персов, и в отражении атак врага, спешно выставляя на помощь донцам свои отряды. Данная статья и будет попыткой более подробно рассмотреть совместные боевые действия донских казаков и армянского населения в начале войны с Персией летом 1826 г.

Напряженная международная обстановка 1825 г. и восстание декабристов были восприняты в Персии как наиболее благоприятный момент для выступления против России. Персия стала открыто готовиться к войне. Главнокомандующий Кавказским корпусом А.П.Ермолов предупреждал Николая I о том, что война неизбежна. Он требовал присылки на Кавказ дополнительных войск, так как наличных сил не хватало для его защиты. Конницы у Ермолова было совсем мало. Ее составляли Нижегородский драгунский полк, стоявший в Кара-Агаче, который насчитывал 868 чел. личного состава (Потто 1886, 119), и 9 донских казачьих полков. Они размещались на Кавказе следующим образом: полк Ребрикова 1-го стоял в Кутаиси (535 чел.), полк Андреева 1-го - в Бомбаках и Шурагели (504 чел.), полк Семенченкова - в Южном Дагестане (458 чел.), полк Грекова 3-го - в Грузии (331 чел.), полки Сысоева 2-го и генерал-лейтенанта Иловайского 3-го - на юге Грузии (соответственно 453 и 503 чел.). Эти полки были укомплектованы конским составом полностью. Но были полки, где нехватка коней составляла от 5 до 20 %: полк Костина 4-го, стоявший в Кахетии, и полк Леонова, стоявший в Самхетии. Полк же Молчанова 2-го, находившийся в Карабахе, на 407 казаков имел 420 коней (Потто 1886, 117; ЦГВИА, Ф.ВУА, д.429, 5, 64). Нехватка конского состава в условиях пограничной патрульной службы создавала определенные трудности. Всех этих сил было явно мало против многочисленной персидской конницы.

Николай I требовал от А.П.Ермолова урегулировать отношения с Персией, но не доверял ему, так как считал его причастным к движению декабристов. Считая, что эта задача не может быть выполнена Ермоловым, он направил в Тегеран князя А.С.Меньшикова. Царь пору-

чил ему обеспечить мир любой ценой, даже путем некоторых территориальных уступок. На них никак не соглашался Ермолов, считая, что они ухудшат стратегическое положение России на Кавказе. Переговоры Меньшикова не дали ожидаемого успеха. Ничего не добившись, он уехал, а персидские войска двинулись к русским границам. К началу военных действий Персия располагала 60-тысячной армией. Во главе ее стоял наследник престола принц Аббас-Мирза. Его советником был английский полковник Стоддарт (Ибрагимбердыев 1955,69).

Главной задачей персидское командование ставило захватить Закавказье, овладеть основной оперативной базой - Тифлисом - и отбросить русские войска за Терек. Поэтому Аббас-Мирза направил главные силы из Тавриза в район реки Куры, а вспомогательные - в Муганскую степь, чтобы блокировать выходы из Дагестана. Силы русских были растянуты в узкую полоску по границе. Резервов у Ермолова не было. Вдобавок ко всему надо было отбивать постоянные нападения горцев, которых подняли персы провозглашением "газавата". Шах надеялся, что помимо персидской армии русские границы атакуют еще и 180 тыс. горцев (Бескровный 1974,167).

В этот период почти вся граница с Персией охранялась азербайджанскими пограничными "земскими караулами", состоявшими из вооруженных конных и пеших крестьян. Эти силы могли быть хорошим заслоном на пути врагу. Но они были подвержены перед нападением на границу воздействию персидских эмиссаров, и командование особой ставки на них не делало, хотя в июне за их счет и была особенно усилена охрана второго, или центрального, района театра военных действий (т.е. границы Карабаха, Елисаветпольского округа, Казахской и Шамшадильской дистанций - Ибрагимбейли 1969,168). А.П.Ермолов был вынужден пойти на этот шаг, так как, обращаясь к царю с просьбой о выделении дополнительных войск, он не находил понимания своим чаяниям. Ермолов доносил Николаю I, что решил использовать азербайджанскую конницу, которая с успехом выполнит роль легкой конницы (Ибрагимбейли 1968,167). Этот шаг был сделан, и в результате азербайджанцы-мусульмане, распропагандированные агентами бывших владельцев присоединенных к России земель (Мустафы-хана Ширванского, Мехти-Кули-хана Карабахского, Сурхай-хана Казикумыхского, Бююк-хана Кубинского, Султан-ахмед-хана Аварского, грузинского царевича Александра, имеретинского царевича Вахтанга, бежавших в свое время в Персию), отошли от границы под напором персиян без особого сопротивления. Можно назвать всего несколько случаев доблестного выполнения своего воинского долга азербайджанцами, и среди них оборону пограничного поста отрядом капитана Мирза-Адигезаль-бека, который продолжал защищаться даже тогда, когда персы уже полторы недели осажали Шушу (Ибрагимбейли 1969,172-173; Мирза-Адигезаль-бек 1950). Основная же масса азербайджанских формирований или сдала границу без особого сопротивления, или вообще присоединилась к своим единоверцам, охваченная религиозным порывом. Поэтому основная масса русских войск, опасаясь ненадежности азербайджанских формирований, в основном находилась в армянских селах (Агаян 1978,205), так как здесь они могли найти опору среди единоверного им населения.

Командовал русскими войсками, находящимися в Карабахской провинции, генерал-майор князь В.Г.Мадатов, по происхождению карабахский армянин. Но к моменту нападения врага он поправлял свое

здоровье на Кавказских водах, поручив командование командиру 42-го егерского полка полковнику И.А.Реуту. В административном отношении провинцией управлял майор Чиляев (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 295, 4.2, л. 92об). Русское командование имело достоверные сведения, что персы готовы вторгнуться в Карабах, как только поспеет хлеб в поле, и что карабахские беки обещали им содействовать в захвате крепости Шуши. Полковник Реут принимал все меры предосторожности и поручил майору Чиляеву выставить на границе караулы из жителей, но не давать повода населению к волнениям. Чиляев пытался сформировать конную милицию из армян, но это ему не удалось. В этот период армяне укрывали свои семьи в безопасных местах и поспешно убрали хлеб с полей (Дубровин 1888, 605-606). Можно было их понять, поэтому Чиляев не настаивал на своей идее, набрав в милицию, как это делалось повсеместно, азербайджанцев.

Цепь выставленных из жителей передовых постов должна была сообщать Реуту о малейших попытках неприятеля переправиться через Аракс сколько-нибудь значительными силами. Не надеясь на бдительность этих постов и даже на верность всего мусульманского населения Карабаха, полковник Реут просил прислать ему подкрепления, но их выслать было невозможно, так как свободных сил не было. Карабахские беки и многие влиятельные лица соседних провинций имели непрерывные сношения с персидским правительством, жаловались на притеснения религии и, по восточному обычаю, отправили в Персию женские покрывала и исподнее платье, как бы упрекая тем самым персиян в женоподобии и убеждая к скорейшему освобождению мусульман от подданства России. Было направлено несколько депутатий к Аббас-Мирзе. Уполномоченные Карабаха предлагали вырезать русских и обещали удерживать Шушу до прибытия персиян (Дубровин 1888, 608).

Зная обо всем этом из агентурных данных, полковник Реут доносил А.П.Ермолову, что персы намерены ворваться в Карабах прежде объявления войны, с той целью, чтобы не дать возможности соединиться русским войскам в Чинахчах или Герюсах. Главнокомандующий требовал, чтобы стоявшие близ границы войска не были разбросаны и сообщение между ними поддерживалось постоянно. Пункты, наиболее отдаленные, откуда пехота не могла быть скоро выведена, по приказу Ермолова, должны были охраняться армянами, на верность которых можно было положиться... Но Ермолов находился в Тифлисе, всех особенностей сложившейся ситуации на месте не знал, поэтому и отдавал такие приказы! Все это привело к тому, что и армянская милиция не была создана, и русские войска оставались растянутыми узкой полосой по границе.

В этом же приказе А.П.Ермолов требовал, чтобы Шуша была удержана и в нее перенесены были все семейства значительных беков: верных России - для безопасности, настроенных враждебно - чтобы служить залогом.

В конце июня и в начале июля стали возникать волнения среди мусульманского населения, и слухи о скором вступлении персиян в пределы России с каждым днем усиливались. Сельское население оканчивало полевые работы, а горожане остановили все постройки и принялись кто тайно, а кто и явно готовить оружие под предлогом предосторожности и защиты от неприятеля. Многие муллы, державшие

ориентацию России и жившие в пограничных селениях, просили у русской администрации выдать им пропускные билеты во внутренние провинции России. Те же, кто держался персидской ориентации, собирались по ночам на тайные совещания...

Видный деятель армянского освободительного движения Нерсес Аштаракец в июле 1826 г. обратился к армянскому народу с призывом бороться против персидских войск. В этом приказе он говорил о том, что Россия "распростерла мощную десницу свою... для спокойствия и благоденствия армянского народа, что Россия и раньше в случае надобности защищала армян, тем более она это сделает теперь, когда признана пред целым светом заступницею и покровительницею нации нашей..." (Цит. по: Агаян 1978, 205). Армяне очень скоро откликнулись на этот призыв.

Неприятель со всеми главными силами следовал из Тавриза через Карадагскую провинцию, город Агар и с. Мишкак. Значительная часть конницы под предводительством Амир-хана-Сардара следовала по дороге через с. Паркаут близ границы. Пехота персов состояла из 26 батальонов при 30 орудиях, а конница насчитывала до 24 тысяч человек (УГВИА, ф. ВУА, д. 4295, 4.2.л. 92).

В это время на границе Грузии, по всему Бомбаку и Шурагели, были разбросаны мелкими группами донские казаки полка подполковника Андреева. Общее число войск, охранявших весь край, состояло из этого полка, 2-х батальонов Тифлиского пехотного полка и 2-х рот карабинеров - всего около 3 тыс. чел. и 12 орудий (Потто 1886, 32). Начальником всей пограничной линии был тогда командир Тифлиского полка полковник князь Л. Я. Севарсемидзе.

16 июля в лагере миракского отряда не успели еще пробить утреннюю зорю, как выстрелы на аванпостах подняли всех. Прискакал казак с известием, что большие силы пехоты и конницы с пушками идут прямо на русские пикеты. Это перешла в наступление 16-тысячная группа эриванского сардара, подкрепленная курдской конницей, которая насчитывала до 12 тыс. чел. (Бескровный 1974, 167). Курды бросились на русские пикеты. В результате нападения было схвачено 9 казаков, азербайджанцы без особого сопротивления сбиты, а 650 чел. пехоты под командованием полковника Севарсемидзе с боем вынуждены были отходить (Потто 1886, 36). В это время прибыло предписание от Ермолова, дающее указания Севарсемидзе, как ему поступать в случае нападения врага, но оно запоздало! Гумры и Караклис были уже окружены неприятелем, и сообщения повсюду прерваны. В распоряжении князя Севарсемидзе было всего 60 чел. донских казаков, так что все сведения о движении и действиях неприятеля поступали только от местных жителей, часто искажавших их в пользу персиян (Дубровин 1988, 619). Кольцо у Караклиса сжималось. Туда продолжали отходить русские части. К концу дня там находились под командованием князя Севарсемидзе 3 роты 7-го Карабинерного, 3 роты Тифлиского полков, 7 орудий, 120 казаков, 50 чел. борчалинской и 100 чел. армянской конницы (Дубровин 1888, 620-621). Здесь вместе с казаками кавалерию отряда составили уже и национальные формирования армян, стихийно организованные в первый день войны. 50 борчалинских татар (азербайджанцев - А.З.) - те немногие люди, которые не поддались враждебной агитации мусульманских проповедников и продолжали стойко исполнять свой воинский долг.

Такие различные силы обороняли Большой Караклис, сдерживая

напор врага. Батальон пехоты майора Кашутина стоял несколько в стороне от Караклиса. Н.Н.Муравьев вспоминал в связи с этим: "Капитан Тифлисского полка, командовавший в Гергерах, встревоженный сим нападением персиян, объявил Кашутину, что у нас в Караклисе только на 3 часа осталось патронов. Подполковник Андреев, опасаясь, чтобы неприятельская партия не зажгла его штаб-квартиру, дал даже предписание майору Кашутину оставить несколько пехоты в Джилке" (Муравьев-Карский 1889,180). Но Кашутин, никого не слушая, быстро отступил к Безобдалу. Казакам пришлось отбиваться от врага только при поддержке армянского населения.

По словам того же Н.Н.Муравьева, "Караклис имел не только средства к защите, но даже достаточно войск, чтобы восстановить сообщения наши с Гумрами и другими обложенными постами и чтобы в случае возможности напасть внезапно на неприятеля, разбить и преследовать его: ибо у нас было до 1300 человек под ружьем и 11 орудий; сверх сего 60 казаков, которые содержали цепь по дороге к Гамзачимену" (Муравьев-Карский 1889,180). Однако, пока было принято это решение, персы повернули назад, не в силах взять Караклис. Причем отошли так быстро, что наносить ответный удар было не по кому.

Сильные персидские отряды, помимо Большого Караклиса, были направлены к Балык-чаю. Малочисленные и разбросанные русские посты, застигнутые врасплох, нигде не могли остановить неприятеля и по необходимости должны были отступить. Небольшой казачий пост, выставленный в урочище Сатаначаче, был разбит, а пост на реке Гамзачеванке, в 18 км. от Большого Караклиса, совершенно вырезан. Но самое сильное нападение было произведено со стороны Адимака братом эриванского сардара, Гассан-агой, который вел с собой 5 тыс. курдов и карапахов. Его конный отряд, перейдя границы России между горой Алагезом и турецкой границей, бросился грабить и жечь армянские селения по дороге к Гумрам. Истребляя все на своем пути, Гассан-ага дошел до села Малый Караклис, находившегося в 12 км. от границы и в 7-8 км. от Гумр. Его составляли 70 армянских дворов. Здесь стоял небольшой казачий пост, который, не имея возможности отступить в Гумры, отчаянно защищался вместе с жителями. Около 30 казачьих лошадей и весь армянский скот, находившийся в поле, были захвачены курдами (Потто 1886,37-38). Армяне и казаки организовали жесткую оборону. Собрав свои телеги, различные предметы и имущество, они соорудили баррикады и смело сражались против войск хана. В течение 4-х часов враг не мог овладеть этим пунктом. Ценой больших потерь персам удалось сломить сопротивление казаков и армян, и они спалили Малый Караклис дотла (Парсамян 1972,33).

Определенную роль в этом успехе курдов играло то, что Гассан-ага пользовался среди местного мусульманского населения славой непобедимого полководца в связи с тем, что в 1808г. ему удалось отбить от Эривани войска графа Гудовича, а "курдская кавалерия в начале этой войны почему-то считалась нашими войсками непобедимой" (Аверьянов 1900,35).

После уничтожения Малого Караклиса курды Гассан-аги стали постоянно беспокоить отряд Севарсемидзе в Большом Караклисе, да так методически, что русские войска его с трудом отбивали.

Почти одновременно, 18 июля, 40-тысячная армия Аббас-Мирзы

переправилась через Аракс у Худоперинского моста. Русские войска, стоявшие в Карабахе, находились в районе крепости Шуши, расположившись вдоль границы следующим образом: в Чинахчах и окрестностях - 5 рот егерей, 4 орудия и 256 донских казаков полка подполковника Молчанова 2-го; в Шуше - рота егерей; в с.Герюсах и окрестностях - 3 роты егерей, 2 орудия и 96 казаков полка Молчанова 2-го, штаб этого казачьего полка находился в урочище Палаты, от которого несколько извещательных постов содержалось на реке Араксе к стороне от Герюс и в замке Ал-Оглаке (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4295, г. 2, л. 91 об-92).

Утром 18 июля разъезд из 15 казаков под командованием хорунжего Крюкова делал обычный разъезд по берегу Аракса. У Худоперинского моста он отделил от себя патруль из 5 человек осмотреть берег. Они слезли с лошадей и отправились пешком. Но только они и уцелели. Один из них рассказывал: "Прошло часа два времени. Мы уже проползли камышами верст пять, как вдруг позади нас зачастили ружейные выстрелы. Прислушались, - как будто бы на том самом месте, где остался хорунжий. Мы туда, а навстречу уже едут человек триста персидской конницы, и в середине их все наши казаки, и хорунжий с ними, - связанные. Мы назад, запрятались в кусты, да так и просидели там до ночи. Партия прошла мимо и потянула к татарским кочевьям" (Потто 1886, 69).

Появление этих 5 казаков в штаб-квартире полка Молчанова 2-го вызвало среди казаков тревогу. Командир полка, подполковник Молчанов 2-й, взяв с собою сотню казаков, сам поскакал на место происшествия и у Худоперинского моста столкнулся со всей персидской армией. Казаки понеслись назад и дали знать об этом полковнику И.А.Реуту, командиру 42-го егерского полка, дислоцировавшегося вокруг крепости Шуши (Потто 1886, 70).

18 июля подполковник Назимка донес Реуту, что значительная часть персидской конницы под предводительством Амир-хана-Сардара сравняла с землей пограничное селение Паркаут и вторглась в пределы России (ЦГВИА ф. ВУА, д. 4295, ч. 2, л. 93 об.).

И.А.Реут начал быстро стягивать в Шушу батальон своего полка. Из с. Чинахчи выступило 3 роты при 4-х орудиях и 256 казаков, они смогли взять с собой только немного запасов, порох и свинец (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4295, ч. 2, л. 94 об.). Впоследствии оказалось, что отступление из Чинахчей было предпринято слишком поспешно, так как персияне показались только через 5 дней; что Реут растерялся и что ему не было нужды бросать казенное имущество и торопиться выступить из своей штаб-квартиры. Но это выяснится потом, а сейчас, имея неточные сведения о движении неприятеля и вводимый в заблуждение местными жителями-мусульманами, содержащими кордоны, И.А.Реут не успел соединить своих сил в Чинахчах. Персияне ворвались в Карабах так неожиданно, что Реут не счел возможным выждать прибытия из Герюс отряда Назимки и защищаться в Чинахчах, так как окружающие высоты доминировали над этим селением. После того, как Реут расположился в Шуше, три роты 42-го егерского полка, во главе с подполковником Назимкой, пытались пробиться туда, но были настигнуты персами и восставшими против русских азербайджанцами у реки Ах-Кара-Чая.

После упорного боя половина русских была убита, половина, по приказу Назимки, сдалась в плен. В бою, помимо егерей и артилле-

ристов, участвовало 3 обер-офицера и 94 казака сотни полка Молчанова 2-го (Потто 1886,74), которые не успели войти в Шушу за дальностью расстояния от их поста и присоединились к отряду Назимки. Их постигла та же участь. Два офицера, успевшие укрыться у армян, явились впоследствии в полк и были вестниками о неудаче. "Какое подлое дело Назимки,- писал Ермолов полковнику Реуту, - Вы должны сие заслужить собственной неустрашимостью" (Дубровин 1888,524).

И опять мы видим в этом случае различное поведение армян и азербайджанцев. Одни, увлеченные своими единоверцами-персами, избивают русских воинов, другие укрывают у себя в селениях русских офицеров, пытаясь хоть так оказать помощь в борьбе с врагом.

В конце-концов Реуту удалось собрать в Шуше 6 рот егерей и казаков полка Молчанова 2-го при 6 орудиях (1300 чел.) (Бескровный 1974,167). Эти силы составили гарнизон Шуши, хотя в общем распоряжении Реута находилось 2700 штыков, однако остальные были разбросаны мелкими группами по границе. Русские войска, как только вошли в крепость, вынуждены были сразу закрыть ворота, так как местное азербайджанское население было настроено враждебно, совершая нападения на фуражиров (ЦГВИА, Ф. ВУА, д.4295, а.2,л.94 об). Среди мусульман, конечно, были и сочувствующие русским, но их было меньшинство. За пределы крепости выезжали для патрулирования только разъезды донских казаков полка Молчанова 2-го. Они же в ближайшие дни, оставшиеся до полной блокады Шуши, смогли выполнить и приказ А.П.Ермолова, требовавший, чтобы в крепость согнали семейства всех окрестных мурз и беков, чтобы держать их, как заложников. Будучи наиболее подвижной частью гарнизона, а также знакомой с такого рода службой, донцы живо вычистили обиталища местной мусульманской знати. Сделав это, они продолжали вести наблюдение за местностью вплоть до того времени, пока персы не обложили крепость плотным кольцом.

Егеря стали деятельно готовиться к обороне, но в крепости не было запасов продовольствия и боеприпасов. В короткий срок удалось восстановить полуразрушенные временные укрепления. Армяне и оставшиеся верными России азербайджанцы вместе с русскими войсками вошли в Шушу. Жители армянских сел Карабаха явились со своими семьями, скотом, скарбом. Они деятельно помогали гарнизону в восстановлении укреплений. Кроме того, полковник Реут вооружил 1500 армян, которые вместе с русскими солдатами и казаками находились на передовой линии огня (Парсамян 1972, 30).

Вследствие внезапного нападения противника русские войска не имели возможности сосредоточить в Шуше хотя бы незначительные запасы продовольствия и боеприпасов. Новый урожай еще не был полностью собран, поля не сжаты, а в Шуше не было запасов хлеба.

Ермолов видел все оплошности Реута и требовал от него стойкости, бдительности и осторожности. Он писал: "Надобно, чтобы каждая рота знала свою часть стены для обороны и был резерв для подкрепления более угрожаемых частей. Пока слаб неприятель, можно делать вылазки собственно для доставления провианта, ежели есть оный по близости. Хороши вылазки ночью, на близкую часть неприятеля, если он только неосторожен, но и собственного беспорядка страшиться надобно" (Дубровин 1888,625).

Однако этим способом добывания продовольствия пришлось до-

вольствоваться недолго. Мусульманское население присоединилось к врагу, а армяне, не успевшие укрыться в Шуше, бежали в гористые и защищенные места. Покинутые ими селения были заняты неприятелем, который частью вытравил, а частью сжег весь хлеб, оставшийся на корню.

"Явно обнаружившееся теперь недоброжелательство к нам татар,- доносил полковник Реут,- весьма хитро было ими скрываемо, и даже не было ни одного из них сколько-нибудь преданного, чтобы, по крайней мере, иметь какие-нибудь настоящие (достоверные-А.З.) чрез них сведения. Всем им формально известно было прибытие к Араксу персидских войск, но они сие скрывали и даже посторонние сведения о том умели иначе представить. Армяне же не могли знать ничего настоящего, ибо по боязни своей не осмеливались и показываться близко у границы, и если бы не случилось захвачения в плен хорунжего Крюкова, то, конечно, я о прибытии персиян узнал бы только в то время, как они приблизились бы к нашим казачьим передовым пикетам"(Дубровин 1888,625).

Несмотря на свой миролюбивый нрав, армяне, с приходом на их землю опасности, с готовностью стали в ряды защитников крепости. Они пожертвовали всем необходимым для общего блага. Для питания бойцов были использованы зерно и скот армянских крестьян: каждому солдату в день отпускалось 200 грамм хлеба и кусок мяса. Были дни, когда бойцы не получали и этого скудного пайка и оставались голодными. С большими трудностями было сопряжено изготовление муки из зерна. Мельницы Шуши находились за деревней Шуши-Кент, в ущелье, которое с двух сторон было осаждено противником. Братья Сафар и Ростом Тараняны с группой односельчан обороняли мельницы. Шушинцы, в том числе и женщины, по ночам, лазая по скалам, волокли мешки с зерном на мельницы, мололи муку и возвращались в Шушу (Парсамян 1972,31). Охраняли в движении и во время работы армян, нагруженных зерном и мукой, донские казаки, выходя вместе с ними из крепости. Однако, если выйти из Шуши не удавалось, осажденные получали вместо хлеба вареное зерно.

Ввиду затруднительности положения И.А.Реут собрал военный совет, на котором были приняты следующие решения:

1. Уменьшить дачу провианта одним фунтом и заменить его мясом, взяв порционный скот у жителей под расписку.

2. Вооружить запасным оружием всех армян и расставить их по стенам в перемежку с войсками.

3. Герюсские ворота и другие проходы заложить наглухо, испортить все доступы к ним, а орудия выставить там, где по ходу неприятельских действий они будут оказываться более необходимыми.

4. Обезоружить всех татар, а ханов и наиболее почетных беков арестовать и тем хотя отчасти удержать их родственников от явной измены и действий против нас (Дубровин 1888,635)." Последний пункт был развитием мысли А.П.Ермолова о сведении семейств беков под защиту крепости, как заложников. Вызвано это было тем, что бывший хозяин Карабаха, Мехти-Кули-хан, снова объявил себя ханом и обещал всем, ставшим под его знамена, большие милости. Аббас-Мирза тоже заявил, что воюет только с русскими, а спокойствия местных жителей нарушать не будет. Чтобы как-то парализовать реакцию местного населения в этом плане, руководство гарнизона посадило всех беков, находившихся в крепости, под стражу. В по-

добных тяжелых условиях осажденные в Шуше русские солдаты, казаки, армяне и незначительная часть азербайджанцев, оставшихся верными России, единодушно решили обороняться до конца и не сдаваться противнику.

Необходимо было незамедлительно передать Ермолову подробное донесение обо всем, что произошло в Карабахе. Было послано несколько добровольцев с этим заданием. Один из карабахских армян Арутюн Алтанян сумел пробраться сквозь вражеское кольцо и доставил Ермолову донесение от полковника Реута, за что впоследствии был награжден знаком Военного Ордена св.Георгия (Фадеев 1958,151). Вторыми на это рискованное дело пошли сыны Тихого Дона. К этому времени выполнение такого задания стало опасным, так как посланным необходимо было пробиться сквозь сплошную массу персидских войск. Нашлись два казака, которые вызвались доставить в Тифлис донесение. В ночь на 27 июля они выехали из ворот Шуши и стали пробираться к Тифлисской дороге, уже занятой персами. Враг скоро их обнаружил, и целые сотни всадников пустились за ними в погоню. Казаки решили разехаться, чтобы, если один из них будет убит, другой выполнил поручение. Один из них поскакал по большой дороге, другой - по проселочной. "Тощие донские лошаденки превзошли, однако, отличных персидских скакунов, - и оба казака, далеко оставив за собою погоню, благополучно достигли Тифлиса" (Потто 1886, 77). А.П.Ермолов получил ценные сведения, но история нам не сохранила имена этих двух безвестных героев-донцов!

В этой связи отличились также и некоторые азербайджанцы, и первым среди них следует назвать уже известного нам Мирзу-Адигезаль-бека, будущего историка, запечатлевшего свое участие в войне в своем знаменитом труде "Карабаг-наме." Находясь на посту при обороне пограничного участка, он попал в плен к шахским войскам. Несмотря на пытки и истязания, он не только не сообщил сведения о русских войсках, но сумел даже тайно отправить в Шушу донесение о составе персидского войска (История Азербайджана ... 1950, 35-36). Не зная о его преданности России, многие его упрекали в измене, но когда он, бежав из плена и, явившись перед Ермоловым, сообщил ему ценные сведения о намерениях и силах врага, то главнокомандующий наградил его и способствовал продвижению по службе. Однако таких азербайджанцев было мало, и русское командование, наученное горьким опытом, относилось к их сообщениям с предубеждением...

Зная только, что полковник Реут заперся в Шуше, Ермолов с одним из таких посланцев передал ему приказ: "Защищаться твердо и неустрашимо! Силою персияне крепости не возьмут; остерегаться измены. Подозрительных беков содержать под строжайшим караулом. Обнаруживающихся в измене содержать без всякой пощады, а в крайности лишать жизни. У татар взять провиант для войск, и нужду пусть они терпят. Требую от Вас, чтобы все употреблены были средства для обороны. Армян под ружьем имейте большое количество, и они защищаться будут. Вы должны знать, сколько трусливы и подлы персияне.Князь Севарсемидзе с горстью людей гоняет их большие силы. Одни вы до сих пор их несколько ободряли. Придет время, и будете освобождены" (Дубровин 1888, 640).

Получив сведения, что основные силы врага скованы осадой Шуши, Ермолов быстро изменил свой план, рассчитанный сначала на от-

ход войск вглубь Кавказа. К этому времени А.П.Ермолову удалось сосредоточить в Тифлисе до 8 тыс.чел.; из них был сформирован отряд, во главе которого был назначен генерал-майор князь В.Г.Мадатов. Этот отряд повел наступление на Елисаветполь, чтобы остановить движение персидских войск к Тифлису и освободить гарнизон Шушу от осады. Мадатова не смущало то обстоятельство, что его силы были вчетверо слабее сил врага (отряд Мадатова насчитывал 4,3 тыс.чел., а авангардный отряд персов, стоявший у реки Шамхор, 18 тыс.чел. - Бескровный 1974, 168). В планы А.П.Ермолова входило даже перенесение военных действий на территорию противника, но для этого он находил нужным "присоединить... к имеющемуся уже войску... еще 24 батальона пехоты и шесть полков донских казаков (ЦГВИА,Ф.ВУА,д.4294,4;л.3). 31 июля Ермолову было отписано, что будет послано 6 донских полков; но, как всегда, они только соби- рались несколько месяцев, и 14 августа мы встречаем еще одну за- пись в "Журнале военных действий персидской войны 1826 и 1827 г.": "Для усиления Кавказского корпуса вместе с шестью донскими казачьими полками, которые высочайше повелено немедленно собрать на Дону и направить к Георгиевску, велено выступить туда же одной донской конно-артиллерийской роте" (ЦГВИА,ф.ВУА,д.4294,ч.1,л.13).

Ермолов ожидал, что обещанные ему Николаем I войска могли прибыть на Кавказ не раньше августа 1826 г.,(Бескровный 1974,167),но документы свидетельствуют о том, что полки на Дону не были собраны и в середине августа. Он мог рассчитывать только на те 12 тыс.чел., которые у него находились под рукой...

В этот же период продолжалась героическая оборона Шуши, трудности которой вместе со всеми переносили и казаки полка Молчанова 2-о. Иностранцы офицеры, находившиеся на службе у Аббас-Мирзы, принимали активное участие в осаде. Так, наемные инженеры - англичанин Томсон, француз де Веге и итальянец Берварди, пытаясь разрушить стены крепости, подвели мины под крепостные башни и установили две батареи, немедленно открывшие огонь по Шуше (История Азербайджана... 1960,35). Однако английские пушки не могли разрушить укреплений, так как за ночь они снова возводились усилиями гарнизона и армянского населения.

Враг предпринял ночной штурм. Героические защитники Шуши за- жигали облитую керосином ветошь, освещали наступавшие ряды про- тивника и меткими выстрелами отбрасывали персов назад. Ночной штурм был отбит.

Аббас-Мирза пытался внести раскол среди находящихся в кре- пости армян и русских. Он приказал собрать несколько сот ар- мянских семейств и направил их под стены Шуши, чтобы убедить сдать крепость, а в противном случае угрожая их вырезать. Армя- не-защитники крепости ответили: "Мы не изменим русским...Лучше, чтобы погибли несколько сот человек, чем весь народ оказался бы под тяжким игом кзылбашей"(Парсамян 1972,32). Этот штурм врага также был отбит, несмотря на все ухищрения осаждавших. Русские солдаты, казаки и армяне вновь оказались непреоборимы для полчищ Аббаса-Мирзы. Не следует зачеркивать и героизма азербайджанцев, оставшихся верными России, но их было меньшинство.

Оборона Шуши продолжалась 47 дней и имела большое значение для дальнейшего хода военных действий. Персы ее так и не взяли. Видя, что теряет время в бесплодных атаках, Аббас-Мирза отделил

от основных своих сил 18 тысяч человек и направил их к Елисавет-полю, намереваясь этими силами нанести удар по Тифлису с востока.

Эти события протекали на главном участке боевых действий, но бои продолжались и в Бомбакской провинции. А.П.Ермолов приказал всем войскам, защищавшим ее, соединиться в Большом Караклисе, с тем, чтобы всей массой передвинуться в Безобдал. Но князь Севарсемидзе только частично выполнил это приказание: он отправил 2 роты егерей с 2-мя орудиями занять перевал на Безобдале, 2 роты со взводом артиллерии - в Гергеры, 2 роты с большей частью казачьего полка Андреева с 2-мя орудиями в Джелал-Оглы, а сам с остальными войсками оставался еще за Безобдалом: 3 роты с 3-мя орудиями стояли в Кишлаке, 6 рот с 7-ю орудиями, казачьей сотней и конной армянской милицией занимали Большой Караклис (Потто 1886,55). Проявив некоторое время упорство в отражении атак курдов, 9 августа русские войска стали отходить дальше от Караклиса к Безобдалу. Об этом Н.Н.Муравьев вспоминал следующим образом: "День и час выступления из Караклиса не был еще утвердительно назначен. Мы собрались было однажды атаковать Гассан-хана, но исполнение сего не состоялось. Наконец мы решились выступить 9 числа, и неприятель немедленно проведал сие намерение наше; ибо он облазил все посты свои со стороны Балыкчая к нам, стал было даже сбивать наши казачьи посты, но приостановился и не делал сильного напора, выжидая, чтобы мы очистили ему Караклис. Со стороны же Амалов он также приблизился, ожидая, чтобы мы тронулись, дабы воспользоваться какими-нибудь отсталыми повозками или вьюками. Я написал диспозицию к выступлению и в ней обозначал барабанный бой, по коему казачьи пикеты должны были стянуться в Караклис; это был второй сбор, ибо по первому внешние караулы должны были все собраться в лагерь и присоединиться к своим батальонам. Казачья же цепь должна была тронуться, когда бы уже пехота тронулась и, проходя через Караклис, зажечь его, чего никоим образом не должно было прежде делать, дабы дать время обозам, артиллерии, патронам и зарядным ящикам пройти через улицы, при том же надобно было сколько возможно скрыть и час выступления нашего от неприятеля, дабы дать время оставшимся жителям уйти и дабы избежать смятения и беспорядка. Диспозицию оную я прочел Севарземидзеву, который ее одобрил, она была отдана всем начальникам, но не исполнилась как надо было.

9 числа после полдня я велел ударить первый сбор, а князь послал по сему сказать казачьему офицеру, чтобы он сходил со своих постов. Он приступил к исполнению сего, и персияне немедленно заняли их. Офицер прискакал в Караклис и, видя, что еще не изготовились совсем к выступлению, полагал, что сие приказание ему было доставлено ошибкою, тем более, что я после приказания князя послал другого гонца с тем, чтобы посты были непременно опять заняты, что и было исполнено немедленно. Князь не понимал, что из сего будет, давно уже не слыхав и может быть и мало зная, к чему служит диспозиция (ибо приказания его развозились его Степкою, оборванным денщиком, который с ним ездил и часто предлагал и свои распоряжения). Казачьего офицера я только возвратил к своему месту, но неприятель догадался уже о нашем намерении, разъезжал около Караклиса и выжидал времени ворваться. Глядя на сих всадников, князь смутился. Персияне опять уже начали казаков сбивать;

армяне, при князе находившиеся, стали зажигать другие строения, площадь Караклиса пылала, а зарядные артиллерийские ящики еще не прошли через оную" (Муравьев-Карский 1889,198-199). Мы видим, что из-за неразберихи в высшем руководстве, столь характерной для первых дней войны, донцы полка Андреева несколько раз вынуждены были сдавать свои посты, затем снова их отбивать, а армяне, составлявшие конвой Севарсемидзе, вынуждены были по его приказу раньше времени зажечь Караклис. Затем им пришлось, взаимодействуя друг с другом, прикрывать отход обозов и пехоты. В этих боях закалялась боевая дружба армян и донских казаков. Курды не особенно наседали, только пощипывали арьергард. Русские наконец-то покинули Караклис, не потеряв ни одного зарядного ящика. 10 августа последняя русская повозка перевалила за хребет Безобдала и войска заняли Гергеры и Желал-Оглы. Здесь сосредоточилось 15 рот пехоты, 16 орудий и казачий полк подполковника Андреева 1-го (Потто 1886, 56).

11 августа Л.Я.Севарсемидзе с отрядом из роты карабинеров с 1-м орудием и 20 казаков находился на рекогносцировке у Желал-Оглы. Еще войска не успели стать лагерем, а донцы имели уже схватку с курдами. До прибытия князя Севарсемидзе в Желал-Оглы, в 10 часов утра с пикета, стоявшего на Амамлинской дороге, дали знать, что показались курды. 15 казаков, с войсковым старшиной Басовым во главе, отправились на разведку, но едва они выехали из оврага, где протекала Черная речка, как лицом к лицу столкнулись с 20 курдами, которые стали отходить. Басов сообразил, что здесь кроется ловушка: кочевники, превосходившие донцов подвижностью и ловкостью, всегда нападали сами и, конечно, не стали бы отступать перед малочисленным противником! П.Т.Басов приказал казакам быть осторожными и не увлекаться погоней. Донцы действовали умело: едва приближались курды - они бросались в пики; поворачивали курды назад - и казаки останавливались. К вечеру Басов отошел в лагерь (Потто 1886,57-58). Выяснилось, что в 10 км. от места стычки стояло в засаде 500 чел. курдов, только и ждавших, чтобы казаки подалее отошли от лагеря (ЦГВИА, ф. ВУА, д.4297, л.9).

12 августа выступил из Гергер в Желал-Оглы полковник Н.Н.Муравьев с 3-мя ротами 7-го Карабинерского полка, 5-ю орудиями и 40 казаками полка Андреева 1-го (ЦГВИА, ф. ВУА, д.4297, л.9). В лагере при Желал-Оглы, под командованием полковника Л.Я.Севарсемидзе к этому времени сосредоточилось: 9 рот пехоты, 9 орудий и 240 казаков донского полка Андреева 1-го (ЦГВИА, ф. ВУА, д.4297, л.11).

14 августа, около полудня, курды, внезапно спустившись с гор, едва-едва не отрезали пикет, стоявший на первом выступе Безобдала. Казаки успели, однако, отступить к пехоте, скрытой в лесу, и курды остановились (Потто 1886,58). На этом их нападения в этот день не прекратились. Широкой лавиной они растеклись по ближайшей местности, уничтожая все на своем пути, вырезая армянское население. Им встретилась немецкая колония Екатеринфельд, стоявшая всего в 60 км. от Тифлиса. Немцы, вооружившись, в течение нескольких часов оборонялись от курдов, но превосходящие силы кочевников смели их. Вся колония была сожжена, жители вырезаны, кроме некоторых, сумевших убежать в поле. На другой день, 15 августа, известие об этой катастрофе дошло до Тифлиса. Но посланный оттуда донской казачий полк и две роты пехоты, под командованием казачь-

его полковника Костина 4-го явились поздно и не могли настичь неприятеля. Спасшиеся немцы указали, что между курдами они видели несколько борчалинцев, на которых, по-видимому, подействовала пропаганда эриванского сардара (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4295, ч. 2, л. 76).

Во время разгрома Екатеринфельда, всего в 10 км. от него, в Белом Ключе, находился батальон 41-го егерского полка во главе с полковником Авенариусом. Он еще накануне был извещен о готовящемся нападении, но не принял никаких мер к спасению несчастных жителей. В самый момент разгрома один из немцев, успевший бежать, просил его о помощи. Командир донского казачьего полка, полковник Леонов, стоявший тоже в Белом Ключе с 300 казаков своего полка, сам предлагал ему 200 казачьих коней, с тем, чтобы посадить на них пехоту и вместе с казаками напасть на неприятеля, но Авенариус отклонил и это предложение (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4295, ч. 2, л. 86 об.; Потто 1886).

Курды так и ушли безнаказанно. По замечанию В.А.Потто, "если бы Авенариус воспользовался предложением Леонова, его батальон наверное успел бы отрезать неприятеля хотя бы в Шиндлярах, куда курды прибыли на следующий день, уже за полдень. Обремененные добычей, они сбились ночью с дороги, долго блуждали по дремучему лесу..." (Потто 1886, 61). Однако время было упущено, врагу удалось уйти.

Блуждая в поисках выхода из леса, курды выбрались, наконец, к с.Квеша. Тут они опять потеряли много времени на бесполезную борьбу с горсткой казаков. В одной из каменных саклей селения помещалась команда из 8 донцов полка Леонова (под командованием урядника), оставленная здесь с полковым имуществом. Курды бросились было к дверям, но залп из ружей сразу остановил нападающих: они смешались, отхлынули назад, потеряв несколько человек. Напрасно, стараясь возбудить в себе храбрость, они кричали и гикали. В ответ им из окон летели выстрелы, и курды один за другим падали. Целые залпы из сотен ружей не причиняли казакам особого вреда, так как каменные стены были прочны, и пули могли влетать только в окна. Из числа защитников все-таки 1 был убит и 2 ранены: остальные 5 поклялись друг другу не сдаваться, пока будут живы (Потто 1886, 61-62). "Куртинцы несколько часов вели перестрелку с казаками, и не только не могли их принудить к сдаче охраняемого ими плетения, но, потеряв несколько человек убитыми и ранеными, в числе коих и один из их предводителей, должны были оставить дальнейшие покушения (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4295, ч. 2, л. 86 об.)". С рассветом курды спохватились, что их могут накрыть русские отряды, и отступили.

По словам В.А.Потто, "геройская оборона в Квешах представляет собою отраднейший эпизод этого тяжелого, смутного времени в Кавказском крае. К сожалению, ни в официальных сведениях, ни в записках современников не сохранилось ни одного имени из этой славной горсти защитников, сумевших смело взглянуть в очи близкой смерти, но именно тем и избежавших ее." (Потто 1886, 62). В этом бою были проявлены донскими казаками высокое мужество, воинское мастерство, верность присяге и огромный патриотизм сынов Тихого Дона, с которым они всегда выходили на бой с врагом.

Некоторое время после отражения этого нападения конницы курдов боевые действия ограничивались только незначительными схват-

ками, но 2 сентября вражеская конница в числе 3000 человек под предводительством Гассан-Аги переправилась через реку Джилгу в 10 км. выше Джелал-Оглы и охватила все пространство, уничтожая окрестные армянские деревни и села и угоняя скот (ЦГВИА.ф.ВУА.д.4296л.3д.об.). В 8 часов утра необычный шум и выстрелы возвестили русским войскам, стоявшим у Джелал-Оглы, о появлении неприятеля. В лагере ударили тревогу. Л.Я.Севарсемидзе переправился через реку Каменку с одной ротой Тифлисского полка, одним орудием и 40 казаками, а за ним вслед полковник Муравьев с ротой 7-го Карабинерного полка, ротой 41-го егерского полка и орудием (ЦГВИА.ф.ВУА.д.4296,л.3об.).

Подполковник Андреев со своими казаками первый поскакал в ту сторону, откуда раздавались выстрелы, имея для прикрытия 30 человек 41-го егерского полка, и в 1,5 км. от Каменки, настигнув вражескую конницу, гнавшую скот, принудил курдов отступить на высоту, где была расположена разрушенная церковь армянского села Матур. Часть захваченного стада курды бросили, когда они еще издали увидели казаков. Но со стороны Акзабиюка показался другой отряд курдов, и казаки, поставленные между двух огней, в свою очередь оказались в критическом положении. Курды стремительно ударили в дротики, и донцы вынуждены были отступить (Потто 1886,64).

В это время полковник Н.Н.Муравьев, дойдя до церкви Матур, ударил на неприятеля и, сбив с высоты, обратил в бегство. Враг частью поскакал через горы почти параллельно к реке Джилге, чтобы вобрать в одну массу другие рассеянные свои отряды, гнавшие скот, а частью переправился через Джилгу против Матур. Первую группу курдов преследовал генерал-адъютант князь Меньшиков, и перешел за нею Джилгу в 2 км. ниже казачьего поста, стоявшего на этой реке. Подходившая рота Тифлисского полка с одним орудием и 20 казаками, ударив по неприятелю во фланг, превратила переправу врага в беспорядочное бегство. Курды здесь еще бросили часть захваченного ими скота. Дальнейшее преследование неприятельской конницы Мешков поручил казакам Андреева 1-го, приказав им в ходе атаки соединиться с полковником Севарсемидзе, который преследовал курдов, переправившихся против Матур. Севарсемидзе, не имея почти во все время конницы, кроме незначительного числа армянской милиции, не мог пресечь бегства курдов между речками Каменкой и Джилгой и, овладев в ходе преследования Карагачинскими высотами, возвратился с казаками Андреева в Джелал-Оглы. Курдам удалось угнать 1000 голов рогатого скота, хотя они и потеряли значительное число людей (ЦГВИА,ф.ВУА,д.4296,лл.4-4 об).

На этом пока на Лорийском участке наступило относительное спокойствие, и войска, находившиеся под командованием полковника Севарсемидзе занимались приведением себя в порядок и продолжали отражать мелкие нападения курдов. Участие армянского населения в этих последних боях на этом участке было относительно пассивным в связи с тем, что способные носить оружие жители ушли в национальные формирования еще в первые дни войны, влившись в войска князя Севарсемидзе. Остались лишь старики, женщины, дети и те, кто по каким-либо причинам не мог покинуть своих семейств. В то же время донские казаки, спасая армянское население Лори и Бомбака, проявляли чудеса героизма.

Оборона Шуши и отражение нападений курдов в Бомбаке и Шураге-

ли способствовали изменению обстановки в пользу России. Эти бои сковали крупные массы персидских войск и способствовали переходу отряда В.Г.Мадатова в контрнаступление и поражению главных сил Аббаса-Мирзы под Шамхором и Елисаветполем. Несмотря на измену большинства мусульманского населения, русские солдаты и донские казаки, опираясь на помощь армянского населения, смогли выстоять в тяжелой и упорной борьбе с превосходящими силами персидских захватчиков. Русская и армянская кровь, обильно пролитая в летние месяцы 1826 г., послужила прочным фундаментом в деле освобождения Восточной Армении от ига персидских Каджаров.